

Памяти В. Ф. Коммиссаржевской.

В. Ф. Коммиссаржевская.

(На годовщину со дня смерти).

Прошелъ годъ со смерти незабвенной Вѣры Федоровны. И все какъ то не вѣрится, что ея ужъ нѣтъ, что ея больше не услышишь... Талантъ этой исключительной артистки былъ настолько индивидуальнo ярокъ, вся ея фигура столь исполнена высшей одухотворенности и благородства, что память о созданныхъ ею сценическихъ образахъ невольно ассоциируется съ самымъ вѣрнымъ и сокровеннымъ, страдающимъ, любящимъ и протестующимъ, со вѣмъ тѣмъ ewig weibliches, что составляло музыку ея созданій, ея родную стихію, начиная съ прославившей ее Ниной Зарѣчной въ чеховской „Чайкѣ“ и кончая Норой, Марикой, Лариссой, Анной Демуриной („Цѣна жизни“), Дикарьей, Гильдой, Беатрисой и др.

Кажется, что она все еще съ нами, что вотъ покажется съ эстрады ея хрупкая, но въ высшей степени изящная фигура съ гордымъ поставомъ головы и съ устремленными вглубь открытыми бездонными глазами... И раздастся музыка ея чарующаго голоса, звуки несказанной красоты, то бархатно-ласкающіе, то надрывные, страдающіе, то грозные вопли, крики отчаянія...

Вотъ посетитъ она своей легкой, какъ бы безостаточно устремляющейся впередъ походкой, жизнерадостной и открытой, разсыпется тысячами жемчужинокъ чисто дѣтской игривости, преобразится ангеломъ непосредственности и наивности. То потрясетъ слушателей беззащитными порывами искренней, огневой страсти (Зобейда) или увлечетъ сердца ихъ ввысь, къ непреклонной борьбѣ за идеалъ, самоотверженной и радостной (Гильда).

Вѣра Федоровна Коммиссаржевская дорога и близка намъ не только очарованіемъ своего прирожденнаго таланта, какъ бы ни былъ онъ оригиналенъ, яркъ и красоченъ. Она вписала имя свое въ исторію русскаго театра, какъ артистка новой формации, знаменующая собой новый этапъ въ эволюціи русскаго театра.

Мы имѣемъ въ виду не ея модернистскія исканія, едва не сгубившія ея замѣчательное дарованіе, а общій ея артистическій обликъ, столь ярко отразившій исканія, борьбу, увлеченія и даже заблужденія нашей интеллигенціи.

В. Ф. артистка русской интеллигенціи—по преимуществу. Она объединила въ своемъ творчествѣ порывы нашей интеллигенціи къ идеалу, правдѣ и красотѣ. Жажда самоотверженія, страстность устремленія къ идеалу, борьба, паденіе и радость просвѣтлѣнія, превращенія сквозь призму идеализованной женственности, нашли въ ея изображеніи незамѣнимаго художника.

Образъ Гильды, зовущей Сольнеса къ неуклонному стремленію ввысь—къ идеалу, хотя бы и цѣной личной гибели,—лучше всего символизируетъ идейную сущность ея дарованія и тайну ея неотразимаго очарованія.

В. Ф.—исполнена была непрестаннаго устремленія къ совершенствованію, къ исканію сценической правды, къ воплощенію ея въ должныхъ формахъ въ своемъ театрѣ.

Пусть она заблуждалась, полагая, что въ пресловутой сценической стилизаціи, доведенной до абсурдныхъ крайностей и искусственныхъ выдумокъ В. Мейерхольдомъ, она нашла разрѣшеніе своимъ сомнѣніямъ. Но она съ беззащитнымъ фанатизмомъ вѣрила, она не переставая искала и боролась за то, что ей казалось высшимъ и лучшимъ, и какъ только она убѣдилась въ ложности своего увлеченія, она не поколебалась съечь то, чему такъ горячо поклонялась.

Талантъ В. Ф. остался въ исторіи русской сцены единственнымъ въ своемъ родѣ. Онъ претворилъ въ себѣ особенности ея общаго духовнаго склада. Въ средѣ крупныхъ писателей, по мѣткому опредѣленію Н. К. Михайловскаго, можно различать олимпійцевъ и страстотерпцевъ, но едва ли не съ большимъ правомъ можно это сказать и о художникахъ сцены. И великимъ страстотерпцемъ сцены была пламенная В. Ф. Коммиссаржевская. Она была меньше всего создана для спокойнаго изображенія жи ли. Ея стихія—борьба и страданія.

Талантъ В. Ф. былъ неотдѣлимъ отъ ея индивидуальности. Въ этомъ была его сила и краса, и въ то же время его слабость. Все богатство своего „я“ артистка вносила въ вторичные ея сценическіе образы. Вотъ гдѣ былъ источникъ гипнотизирующей зрителей искренности. Эта же основная черта ея дарованія давала поводъ упрекать ее въ однообразіи, въ субъективности изображенія. Но не будь этой субъективности, русская сцена не знала бы Коммиссаржевской съ ея потрясающей искренностью, съ ея умѣньемъ „глаголомъ“ жечь сердца людей“.

Въ артистической фizioноміи В. Ф. слились сокровища рѣдкаго для драматической артистки вокальнаго выраженія съ изяществомъ пластическихъ движеній, съ разнообразіемъ мимической игры. Унаследовавъ отъ отца музыкальныя способности, она, при чарующемъ тембрѣ своего голоса, управляла имъ виртуозно. Ея взглядъ на тембры голоса, какъ на краски тональной палитры актера, блестяще подтверждались ея исполненіемъ. Ея темпераментъ, темпераментъ не крови,

а нервовъ нашелъ впервые свое настоящее выраженіе еще въ „Чайкѣ“ въ роли Нины Зарѣчной.

В. Ф.—символъ артистки будущаго—того времени, когда высокія требованія интеллигентности, литературнаго вкуса и широкаго развитія будутъ обязательны для артиста, когда театральная среда перестанетъ поражать своей неинтересностью, а порою и некультурностью. В. Ф. едва ли не первая ласточка этого грядущаго періода русской сцены.

При жизни мы рѣдко умѣли должнымъ образомъ цѣнить ее, и замѣчательная артистка бывала зачастую предметомъ нападокъ. Тѣмъ священнѣе и дороже для насъ память о В. Ф.

А. Израилитинъ.

Чеховъ и Коммиссаржевская.

Сегодня исполняется годъ со дня смерти В. Ф. Коммиссаржевской. Комитетъ, въ лицѣ А. Гучкова, Е. Карпова и Ф. Коммиссаржевскаго, выпускаетъ задуманный имъ еще въ прошломъ году „Сборникъ памяти В. Ф. Коммиссаржевской“, составленный подъ ред. Е. Карпова. Изящно изданный сборникъ богато иллюстрированъ множествомъ фотографій В. Ф. въ разные періоды ея жизни, въ разныхъ роляхъ и т. д.

Среди цѣлаго ряда статей, вносящихъ много новаго въ біографію В. Ф., особый интересъ представляетъ ея переписка. Теплымъ, дружескимъ чувствомъ дышатъ письма къ ней А. П. Чехова.

„... Вы плывете въ Астрахань,—ишетъ онъ ей.—Вы здоровы, или по крайней мѣрѣ, не серьезно хвораете и даже работа-те, а я заплюдирую вамъ изъ своей трущобы. Я радуюсь, что у васъ благополучно, но не завидую, что вы путешествуете по Волгѣ. На Волгѣ всегда вѣтеръ, пахнетъ нефтью, пейзажи однообразны и публика на пароходахъ скучная—все картузы и дешевыя цѣпочки на жилетахъ не съ кѣмъ поговорить и не бываетъ интересныхъ встрѣчъ. На морскихъ пароходахъ куда интереснѣе... Доктора запретили работать, пишетъ А. П. о себѣ,—и я теперь изображаю нѣчто похожее на театральнаго чиновника: ничего не дѣлаю, никому не нуженъ, но стараюсь сохранить дѣловой видъ...“

„Я огорченъ, Вѣра Федоровна,—читаемъ въ другъ мѣ письмѣ. Вы задали мнѣ неразрѣшимую задачу. Во-первыхъ, я во всю жизнь мою никогда не писалъ рецензій, для меня это впаивская грамота, во-вторыхъ, я не пишу въ „Новомъ Времени“. Я огорченъ, что не могу исполнить вашего желанія, и боюсь, что не повѣрите, до какой степени я огорченъ. Ваше желаніе для меня свято и не умѣю исполнить его—это ужъ совсѣмъ конфузъ. Кстати сказать, въ „Новомъ Времени“ я не работаю уже давно, съ 1891 года... Вы пишете, что имѣете успѣхъ; мнѣ это извѣстно, я радуюсь и въ то же время мнѣ досадно,—досадно, что не при одите видѣть васъ. Вы превосходная артистка, только жаль, что нѣтъ у васъ подходящаго entourage'a, нѣтъ театра, нѣтъ товарищей. Вамъ бы хотѣ въ Москву, въ Малый театръ. Тутъ все-таки больше на искусство похоже и между артистами немало хорошихъ людей! Въ Москвѣ вы имѣли бы громадный успѣхъ, вообразить даже трудно...“

„... Съ какими удовольствіемъ я поѣхалъ бы теперь въ цивилизованныя страны, въ Петербургъ, напримѣръ, чтобы пожить тамъ, потренировать свою особу. Я чувствую, какъ здѣсь я не живу, а засыпаю, или все ухожу, ухожу куда-то безъ остановки, безповоротно, какъ воздушный шаръ. А пьесу все-таки пишу и кончу ее, вѣроятно, въ сентябрѣ и тогда прилѣзу вамъ“.

Чеховъ постоянно сообщаетъ В. Ф. Коммиссаржевской о своихъ работахъ. „Три сестры“ уже готовы,—пишетъ онъ ей,—но будущее ихъ, по крайней мѣрѣ ближайшее, покрыто для меня мракомъ неизвѣстности. Пьеса вышла скучная, тягучая, неудобная; говорю—неудобная потому, что въ ней, напримѣръ, 4 героини и настроеніе, какъ говорятъ, мрачнѣе мрачнаго.

Вашимъ артистамъ она очень и очень бы не понравилась, если бы я послалъ ее въ Александринскій театръ. Какъ ни какъ, все же я прилѣжу ее вамъ. Прочтите и рѣшайте, стоитъ ли лѣтомъ вести ее на гастроли. Теперь она читается въ Художественномъ театрѣ...“

„... Не написать ли мнѣ для васъ пьесу?—спрашиваетъ Чеховъ.—Не для театра того или другого, а для васъ. Это было моею давней мечтой. Ну, да какъ Богъ дастъ. Если бы мнѣ прежде здоровье, то я и разговаривать не сталъ бы, а просто сѣлъ бы писать пьесу теперь же.“

„... Вы пишете... „иду съ той вѣрой, которая, если разобьется, убьетъ во мнѣ...“ и т. д. Совершенно справедливо, вы правы, только ради Создателя не ставьте этого въ зависимость отъ новаго театра. Въ видѣ артистка, а это то же самое, что хорошій морякъ. На какомъ бы пароходѣ, на казенномъ или частномъ, онъ ни плавалъ, онъ всюду—при всѣхъ обстоятельствахъ остается хорошимъ морякомъ... Желаю вамъ здоровья, силъ и успѣховъ, и чтобы весь одинъ день въ годъ вы были совершенно счастливы...“

Отрывки изъ писемъ В. Ф. Коммиссаржевской къ разнымъ лицамъ,

приводимые въ сборникѣ, освѣщаютъ яркимъ свѣтомъ затѣнные уголки ея души.

„Я не сквернан,—говоритъ В. Ф. о себѣ въ одномъ письмѣ,—но во мнѣ есть что-то проклятое...“

„Это громадное, непоправимое—существованіе такихъ людей, какъ я. Это вполне сознательная фраза...“

„...Оставалось лицомъ къ лицу съ природой, невольно заглядываешь въ тѣ уголки себя, куда слишкомъ рѣдко заглядываешь, и такая тамъ масса полноты, злого и грѣшнаго, что не понимаешь, какъ же жить съ этимъ? Какъ изъять это изъ себя?...“

„... У меня болѣзнь души и я жгу жизнь съ двухъ концовъ, чтобы не чувствовать вѣчной боли. Боль эта состоитъ въ томъ, что я твердо, до дна души убѣждена въ своемъ безсиліи сдѣлать въ жизни что-нибудь большое, а съ малымъ не хочу, не умѣю примириться изъ-за самолюбія ли, изъ-за тщеславія,—не все ли равно, боль одинакова и задумши ее не можетъ ни успѣхъ, ни поклоненіе...“

„... Вы думаете, я вѣрю во все это обожаніе, что окружаетъ меня? Все это до поры до времени, а въ глубинѣ я очень одинока...“

„... Что бы я ни переживала, для меня нѣтъ счастья, потому что разъ моя душа найдетъ удовлетвореніе,—ея уже не будетъ, я буду уже не я“.

„... Если бы сейчасъ явился волшебникъ и спросилъ, что я хочу, я бы сказала—дара слова. Господи, какъ скоро я убѣдила бы людей въ томъ, какъ прекрасна можетъ быть жизнь, если всѣ будутъ стремиться „по настоящему“ къ прекрасному“.

Чистая прибыль съ сборника пред-